

«Потерянный рай» Николая Красильникова

Я умышленно подчёркиваю в заголовке, что речь будет идти о «Потерянном рае» именно Красильникова, дабы иной читатель не подумал о случае об одноимённой поэме английского поэта XVII века Джона Мильтона, в которой рассказывается библейская история первого человека Адама, или современных французских и американских фильмах-боевиках, которые не имеют ничего общего с рассматриваемой мною книгой, но так же названы

«Потерянный рай» Красильникова — это сборник повестей, рассказов и эссе. Первую часть книги, состоящую из трёх повестей, можно считать одним большим рассказом, а может, даже сагой или, если угодно, песней о природе, которая, по мысли автора, к сожалению, постепенно теряет свою восхитительную прелесть под ударами человеческих топоров, отравляющих веществ, бездумной деятельности. То есть исчезает райская первозданность мира, отчего, видимо, и родилось название книги «Потерянный рай».

Поэтически озаглавленная первая повесть «Одиссея тигророва Гучека» буквально воспеваает, нет, не тигророва, а самого туранского тигра, которого в Средней Азии, где происходит действие, зовут юлбарсом. Рассказ вроде бы идёт о человеке, его попытках поймать, может быть, последнего представителя исчезающего вида зверей, здешнего царя лесного населения, поймать с единственной целью сохранить его в зверинце, для учёных и, возможно, для продолжения рода, но у читателя буквально захватывает дух, когда уже на первых страницах встречаются такие строки: «Какое-то странное тревожное чувство всё больше овладевало парнем. В конце концов, встав на илистое дно, он внимательно огляделся по сторонам и... чуть снова не ушёл под воду! С противоположного берега на счастливого купальщика в упор смотрел тигр! Зловещим блеском сияли жёлтые глаза, нервно подрагивала бархатистая холка».

Герой чудесно спасается бегством, но, будучи художником, запоминает эти тигринные глаза и его холку, чтобы потом, вернувшись домой, первым делом кинуться к карандашу и бумаге, дабы оставить людям память о туранце.

И необыкновенной любовью проникаешься к зверю при чтении о встрече с ним тигророва: «Шурясь (солнце било прямо в глаза) и скаля клыки, зверь медленно выползал из камышей. Затем выпрямился и уже в полный рост предстал перед глазами незваных гостей. Красавец! Богатырь! Спина в огненных полосах лоснилась, хвост упруго подрагивал. Собаки и те, кажется, онемели».

Как замороженный, Борис Ардалионович следил за каждым движением тигра. Восхищение красотой и изяществом юлбарса начисто вытеснило из сердца всякий страх».

А дальше свора собак была раскидана могучим зверем, и он исчез с громоподобным рыком. Тигророва так и не удалось поймать зверя, и это вызывает определённую радость у читателя за могучего красавца, омрачённую, впрочем, концовкой повести, из которой следует, что тигра всё-таки поймали другие — уральские тигроры.

Вторая повесть тоже посвящена великану, но уже речному — сому. И тут автор не просто пересказывает байки рыбаков, которые было бы, наверное, неинтересно

читать, если бы они не передавались мастерски, с описанием не только рыбаков, которыми были и убелённые сединами аксакалы, и желторотые юнцы, только начинающие знакомиться с рыбалкой, но и окружающей природы. Читаешь, и возникает этаким эффект присутствия, ощущение радости той же, что и у героев рассказа:

«Звёзды на небе одна за другой стали гаснуть, и постепенно оборвался сомовый клёв. Было ещё темно, и мы решили прикорнуть тут же на берегу. Расстелили на влажной траве тужурки и легли. Петька сразу по-домашнему тепло и уютно засопел. Я же, на какой бок ни повернусь, всё кажется неудобно. К тому же комары донимают... А тут ещё за бугром кто-то невидимый стал ходить вокруг да около: топ да топ, шуршал жухлыми стеблями, пошвыстывал, будто ветер, сухими прутьями... Как тут уснёшь?»

Наконец, за дальними метёлками тополей улыбунулся слабый просинец, небо на горизонте порозовело, начало светать, и я не выдержал, встал.

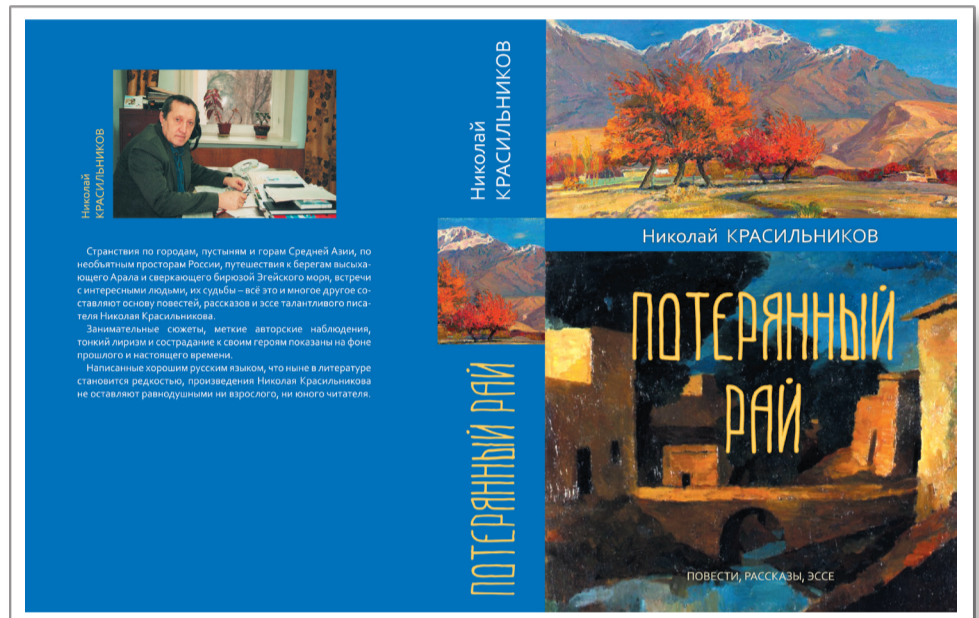
"Кто же это за бугром не даёт мне спать?" — подумал я и решил посмотреть.

Забрался на бугор и увидел не далее чем в десяти шагах парочку белых клювачей. Цапли заметили меня тут же, шумно махая крыльями, побежали, а потом снялись с места и полетели в сторону светящейся полоски. Чудесный рассвет, добрый улов, встреча с прекрасными птицами... Настроение было приподнятое, и я принялся будить Петьку».

Таких описаний множество. В книге встречаются ящерица-круглоголовка, кобра, джейраны, гепард, волки и шакалы, орёл-ягнятник, верблюды, мелкие и крупные птицы — да кого только нет. Вот и сом, но прежде чем научиться его ловить, нужно натренироваться на карасях, сазанах, щуках да судаках, красноперках и плотвичках, любящих заодно журавлями, утками да фазанами, и уж, конечно, природой реки Сырдарья, где «по обе стороны канала простирались необозримые солончаковые степи, зимой продуваемые ледяными ветрами, а летом мирно покоившиеся под душным голубовато-жёлтым маревом. Берега канала заросли высокими тростниками. Их пушистые метёлки, не умолкая ни днём, ни ночью, шуршали под набегавшим с далёких просторов ветром».

При этом, описывая удачливых рыбаков, которым с большим трудом, но удаётся-таки вываживать двадцатикилограммовых сомов, автор не забывает рассказать о беспокойстве егерей, которым порой приходится и взрывчатку отбирать у иных любителей лёгкой наживы, и сети браконьерские резать, и ружья с оптическим прицелом конфисковывать. И всё ради сохранения целостности природы.

Среди серии рассказов встречается и совсем анекдотичный случай, как незадачливый косарь поранил обо что-то острое

пятку и опустил её в реку, чтобы остановить кровотечение, да вдруг почувствовал, как кто-то из-под воды рванул его за эту самую пятку. Выдернул он ногу, а вода бурунами вскипела. Так только сом себя проявляет. Видимо, почувал кровь, как акула, и попытался утащить добычу.

Не меньший интерес представляет и третья повесть «На плоту по Ахангарану-реке». Двухнедельное путешествие отца с сыном на самодельном плоту опять же напоминает сагу, песнь природе:

«Потрескивают сухья на огне, будто сухари на зубах хрустят. Булькает в котелке уха. Запахи лаврового листа, перца приятно щекочут ноздри. А со стороны озера несётся оглушительное лягушачье кваканье... ква-квак, ква-квак! Бре-ке, бре-ке, бре-ке-ке!»

Весной, когда из-под голышей только-только появляется робкая травка, и лягушки настроены более лирично, что ли. Из зарослей возле маленьких водоёмов и больших рек льётся нежное, протяжное:

— Кур-лу-лу! Кур-лу-лу!».

Путешествие на плоту сопровождается ночёвками на берегу, встречами с местным населением, занимательными историями, рыбалками, во время одной из которых пойманной рыбой заинтересовался уж, и его пришлось накормить, после чего он привёл с собой на кормёжку всю ужиную семью. Словом, природа поражает неожиданностями.

Вторая часть книги — это собственно рассказы, часть из которых тоже посвящена природе и потому является как бы продолжением первой части. В этом отношении не может не тронуть рассказ с печальным концом «Живи, Думбак!». В нём повествуется, как старый егерь Нури спас тонувшего в горной реке маленького медвежонка, откачал его и целый год выхаживал, пока тот не стал совсем круглым и крепким, за что и прозвал его на местном наречии Думбак. Затем он выпустил подростка медвежонка в лес на волю, к которой зверь и не стремится, четырежды возвращаясь домой. Пятая попытка увести медведя подальше удалась, но жители посёлка стали жаловаться на пропажу скота. Руководство района, решив, что причиной является медведь егеря, приказало ему застрелить зверя. Егерь не мог исполнить приказ, но нашёл своего любимца и выстрелами из ружья в воздух прогнал его навсегда.

Столь же неутешительно пишет автор о другом звере: «Да, домашний гепард в Центральной Азии не был редкостью. Но в связи с чрезмерным освоением пустынь в XX веке и с хищническим его истреблением браконьерами этот осторожный дикий

зверь постепенно исчезает с прекрасного лица пустыни».

Вот эта мысль, что девственная природа и звери постепенно уходят из нашей жизни постоянно свербит в душе писателя, она прорывается мрачными аккордами в задушевной песне о прекрасном окружающем нас мире. Одно из них — журналистское повествование «Пиррова победа», выразившее боль о гибели Аральского моря. Правда, объясняя высыхание моря деятельностью человека по изменению русел рек, автор вскользь упоминает, что и в древние времена море, очевидно, пересыхало, но это не умаляет вину сегодняшнюю.

Все рассказы о том, как жители Средней Азии умеют общаться с представителями дикой природы, буквально сживаясь с ними, когда даже опаснейшую змею кобру приручили каждый вечер ровно в восемь часов приползать в жилище, расположенное в лимонной роще, и пить молоко из блюдца, вместе с тем охраняя людей от скорпионов и других не менее ядовитых существ, все многочисленные истории об охоте на фазанов, куропаток, когда их было видимо-невидимо в их благодатном краю, относятся к истории, к тому периоду, когда автор был ещё мальчишкой и видел собственными глазами эту райскую жизнь, об утере которой ему теперь остаётся только сожалеть, приезжая из Москвы в качестве корреспондента и слушая рассказы старых аксакалов. Он и о людях пишет, уподобляя их частичкам природы:

«Хозяин домика, мужчина лет сорока пяти, Турдымурад Наджимов встретил нас прямо на ступеньках. Лицо скуластое, загоревшее до шоколадного блеска. Натруженные руки, узловатые и в буграх, напоминали ветви саксаула — такие крепкие и привычные к самым неожиданным природным стихиям».

Надо хорошо знать, что такое саксаул, чтобы сравнить с ним натруженные руки человека. Читая эти строки, невольно вспоминается рассказ Антона Чехова «Верба», в котором влюблённый в природу писатель тоже сравнивал дерево со стариком: «Верба подпирает и другую развалину — старика Архипа, который сидит у её корня, от зари до зари удит рыбку. Он стар, горбат, как верба, и беззубый рот его похож на дупло. Днём он удит, а ночью сидит у корня и думает. Оба, старуха-верба и Архип, день и ночь шепчут... Оба на своём веку видывали виды».

Своими рассказами о природе Средней Азии Красильников продолжает традиции великих мастеров: Льва Толстого, Антона Чехова, Михаила Пришвина, Ивана Тургенева, Владимира Арсенева.